П.П.Козорезенко (старший), П.П.Козорезенко (младший)

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ МАЯ ДАНЦИГА. РАННИЕ ГОДЫ

В статье прослежено формирование творческой личности известного белорусского художника Мая Данцига в годы учебы в институте имени Сурикова. Приведены интересные факты его биографии, основанные на его личных воспоминаниях, собранных авторами.

The article traces the formation of the creative personality of a well-known Belorussian artist May Danzig during his studies at the Surikov institute. Interesting facts from his biography are represented. Information is based on the personal reminiscences of the artist collected by the authors.

Ключевые слова: художник Май Данциг, формирование творческой личности, живопись, художественный институт имени Сурикова.

Keywords: artist May Danzig, formation of a creative personality, painting, art-institute named after Surikov.

Для понимания процесса формирования творческой личности художника немаловажным является изучение его биографии и особенно время учебы. Май Данциг (1930-2017) окончил Суриковский институт. Среди его воспоминаний уникальные свидетельства о жизни, учебе и учителях.

Известно, что Май Данциг до начала Великой отечественной войны успел закончить три класса обыкновенной средней школы. Более того, обладая абсолютным слухом, он параллельно занимался по классу скрипки в музыкальной школе и даже выступал с концертами с аккомпаниатором. Также он с детства любил рисовать. Это увлечение,

по воспоминаниям самого художника, сложилось под влиянием его отца, который всегда рисовал, хотя никакого специального образования у него не было. Комитет по физической культуре заказывал ему грамоты и призы для спортсменов, которые он с увлечением выполнял, а маленький Май ему помогал. По воспоминаниям самого М.Данцига, когда после войны их семья вернулась в Минск и вошла в свою квартиру, то на стене они увидели старенький папин рисунок — портрет девочки, сделанный в студии художника Кругера ещё в 1912 году. Не сохранилось практически ничего, а этот портрет провисел нетронутым всю войну и дождался их. Этот рисунок всю оставшуюся жизнь находился у М.Данцига.

После войны он продолжил учёбу, одновременно посещая изостудию Дворца пионеров и школьников, где учился у замечательного педагога, прекрасно разбиравшегося в психологии детского рисунка Сергея Петровича Каткова, которому в последствии посвятил картину под названием «Солнечный континент»: учитель стоит рядом с только что пришедшей к нему в студию новенькой девочкой, которой он дал чистый лист бумаги, а вокруг — рисующие дети, причем рисунки изображены подлинные, перерисованные художников с настоящих детских рисунков.

Так как в Минске в послевоенные годы не было ни одного художественного учебного заведения, то после восьмого класса М.Данциг подал документы в строительный техникум на архитектурное отделение. И лишь в 1947 году, когда открылось Минское художественное училище, Данциг забрал документы из техникума и подал заявление. Сдав экзамены, он был принят на первый курс (более старших товарищей, ветеранов войны, — В. Громыко, М. Савицкого, И. Басова — приняли сразу на второй курс).

Преподавали в училище А.П.Мозолев, Х.М.Лившиц, Л.М.Лейтман, Данциг же попал в группу к Г.М.Изергиной. В последние годы, а тогда обучение в училище длилось пять лет, Данциг учился у В. Цвирко. После окончания Минского художественного училища, он поступает в Суриковский институт.

Как вспоминал позже художник (запись бесед находится в архиве авторов) : «Мне, провинциальному пареньку из Минска, о Суриковском

можно было только мечтать. Когда я узнал, каким был конкурс – 12 человек на место, – мне стало страшно. К тому же в тот год в Москве закрыли Мухинское училище и перевели его в Ленинград, а москвичи, в нем учившиеся, начали массово переводиться в Суриковский институт. Можете себе представить, какие это были асы, уже отчасти выучившиеся по сравнению с нами.

И вот на экзамене я стою, пишу натуру, а рядом со мной стоит потом уже ставший известным Виктор Попков и тоже пишет натуру. И возле нас ходит, приглядываясь, художник П.И.Котов: ко мне подошел, расспросил, кто я и откуда, потом к Витьке, и всё записал в блокнот. Мы не знали, хорошо это или плохо. Оказалось — хорошо: он уже брал на заметку то, что ему понравилось. И когда мы с Витей Попковым прочли свои фамилии в списках сдавших специальность, это было фантастически. Спали мы в аудитории на матрасах на полу и единственной едой, которой мы питались, были молоко и булка, покупавшиеся во время перерыва. Естественно, к концу экзаменов я был тощий, как скелет, но общеобразовательные всё-таки сдал благополучно.

Экзамен по специальности включал рисование головы и обнажённой натуры. За 12 часов все надо было написать и две композиции сделать – одну свободную, а другую на заданную тему. Натюрморта не было. А набирали всего где-то человек шесть–семь. Три года учились все в одной мастерской, а потом подавали заявление и шли в персональные мастерские. Но мы все общались между собой, учились друг у друга, просили разрешения посещать чужие группы. Весть о чьей-то удачной работе распространялась мгновенно. И, кроме этого, я ещё каждый вечер, после занятий, шёл в Третьяковку, потому что Третьяковка — это тоже школа, колоссальная, самая сильная.

Материалов было более-менее достаточно, хотя я все-таки помню, как на свои деньги пытался покупать в киоске для художников, членов Союза, но нам не давали, и мы просили кого-то из художников купить нам краску, холстик, мастихин. Годы были голодные, денег катастрофически не хватало, и мы иногда заходили в городские столовые, где на столах лежал даровой хлеб, и просто ели кусок хлеба. И ещё мама, отрывая от себя, присылала каждый месяц тридцать

рублей, и вот это было спасением. Но я учился так хорошо, что на третьем курсе мне дали сталинскую стипендию, по тем временам это были огромные деньги, и я с гордостью написал маме, чтоб она больше денег не присылала, потому что я уже могу сам... Были ещё репинская и суриковская стипендии, но те значительно меньше.

Когда я поступил, меня определили в общежитие — в комнату, в которой жили 16 человек (там же, кстати, оказался столь известный впоследствии Эрнст Неизвестный). Это была знаменитая Трифоновка, где жили все студенты творческих вузов. Жизнь там была страшная — через год я сказал, что больше не могу, и начал подыскивать другое жилье. Наша институтская вахтерша предложила поселиться у нее, хотя сама жила вместе с тремя детьми и ещё одним бедным студентом в одной комнате. Я был непритязательный, главное — чтобы было, где переночевать, — и согласился. С семьей этой я так подружился, что они стали мне как родные».

Среди педагогов М.Данцига был и П.Д.Покаржевский, выпускник батального отделения Академии художеств в Санкт-Петербурге, член общества художников «Бубновый валет». Будучи баталистом, он любил лошадей и устроил для студентов поездку на практику на единственный в Советском Союзе завод лошадей арабской породы в Ставрополье. Май Данциг, вспоминая об этом времени, подчеркивал удивительную красоту точеных форм этих лошадей, которых студенты писали с постановок в конюшне.

В те годы в Суриковском институте был отдельный курс, которым руководил выдающийся педагог и известный театральный художник Михаил Иванович Курилко. Он проводил факультативно занятия по рисунку и каждый раз буквально открывал студентам неизвестные страницы из истории искусства. Будущие мастера живописи снимали кальки с портретов Рембрандта. Курилко показывал на этих рисунках приемы построения головы, носа, глаза, работу штриха. По воспоминаниям Данцига он был редкостным эрудитом: изучал в Италии подлинники рукописей Леонардо, написанные левой рукой, читая их с зеркалом, в Германии — рукописи Дюрера. Сам смастерил станок, на котором печатал офорты размером в метр. Он и как личность был исключительно колоритен: всегда с иголочки одетый, с черной

повязкой на месте одного глаза, потерянного, как поговаривали, на дуэли из-за любимой женщины. Курилко написал уникальную книгу о рисунке, которую пригласил иллюстрировать Мая Данцига и Эрика Булатова, но книгу в академии отвергли, и он её так и не издал.

«Михаил Иванович, — рассказывал Данциг, — в трех словах мог объяснить нам историю развития человеческой фигуры в изобразительном искусстве: начинал с Древнего Египта, где фигура ещё не имела своей пластики, потом переходил к гениальной догадке древних греков, оперших фигуру на одну ногу, а другую, соответственно, оставивших расслабленной и, таким образом открывших контрапост, а затем уже к Микеланджело, который повернул этот контрапост вокруг своей оси так что если смотреть сверху на человеческую фигуру, то плечи с тазом оказываются перекрещенными. Показывал нам, какие ошибки могут допускать даже известные, признанные художники. Я, слава Богу, ходил в этот кружок, за что очень благодарен судьбе!

А ещё была интересная эпопея в моём институте, когда мы стали в какой-то мере диссидентами и восстали против ректора Ф.А.Модорова. Всё началось с того, что комсомольская организация пригласила турецкого поэта Назыма Хикмета к нам в институт, точно так же, как она, между прочим, пригласила Вертинского, когда тот вернулся из заграницы, потому что дочка Вертинского какое-то время училась у нас — в театральной мастерской у Михаила Ивановича Курилко. Так вот этот самый Хикмет, разговорившись с нами на комсомольском собрании, заразил нас свободолюбием. Наслушавшись, мы решили, что достойны лучшей доли, что не все преподаватели нас устраивают и что нам надо попытаться вернуть в институт И.Э.Грабаря, который одно время был у нас ректором и преподавал, но потом его заставили уйти из-за левизны, признаком которой могла восприниматься хотя бы его импрессионистическая манера письма, по тем временам этого было более чем достаточно. В результате группа студентов отправилась к нему домой приглашать преподавать. Помню, как он принял нас у себя дома, где мы совершенно остолбенели перед висевшими на стенах картинами: у него даже Серов подлинный был. Мы высказали свою просьбу, на что он ответил: «Ребята, до тех пор пока ректор вашего института Фёдор Модоров, а президент Академии

художеств Александр Герасимов, моей ноги там не будет». И он так и не вернулся, да его и не пустили бы. Время было очень суровое, боролись с формализмом: ленинградскую Академию разгромили, выгнали А.А.Осмеркина, А.Т.Матвеева, в Москве вынуждены были оставить преподавание Сергей Герасимов и Грабарь…

Когда после трех общих курсов нужно было написать заявление и идти в чью-то персональную мастерскую, я подал заявление к художнику П.И.Котову, который, в свою очередь учился у Н.И.Фешина, но он вдруг умер и к нам пришёл преподавать Ф.П.Решетников. Ещё я учился и защищал диплом у прекрасного живописца В.Г.Цыплакова, до сих пор не оцененного по-настоящему. Взял тему «После школьного бала»: настолько она была созвучна моему тогдашнему состоянию. И вот я ждал этот выпускной бал, потом ходил вместе со школьниками встречать рассвет над Москвой-рекой, потом пошел с ними на Красную площадь, делал наброски, а они в какой-то момент начали играть в фанты и даже меня заставили спеть. Дипломную работу я назвал «Навстречу жизни», не сказал бы, что шедевр, конечно, но пятёрку я за неё получил. Эта работа была затем закуплена министерством культуры за тысячу рублей» [1].

За время обучения Данциг написал много тематических живописных работ. Среди них: портрет девушки-железнодорожницы, идущей по путям в серой телогрейке и желтом платке, с красными флажками в руках, композиция на историческую тему — «Кровавое воскресенье 9 января», портрет женщины с вязанием около камина. По поводу этой картины художник вспоминал: «В аудитории был сооружён камин, положены берёзовые поленца, зажгли лампу, обёрнутую в красное, зажгли фонарь в камине, и — полная иллюзия того, что камин горит; рядом сидела женщина и что-то вязала. Потом эту работу у меня какой-то итальянец выманил. Но лучше всего, пожалуй, были этюды обнаженных…» [1]

Помимо В. Попкова, на одном курсе с Данцигом учились Борис Окороков, Павел Корбаков, старший из Смолиных, Э. Булатов. На курс старше были Таир Салахов и младший Смолин – Петр.

Об одном из студентов Суриковского училища Данциг вспоминал особо. «Ещё, задолго до моего поступления, в Суриковском был

удивительный – гениальный — студент Евгений Диффинэ, из обрусевших французов, осевших в России ещё со времен войны 1812 года. С ним учился Цвирко, рассказавший мне такую историю. Во время войны Суриковский эвакуировали в Самарканд. Студенты голодали, но как-то пытались работать, хотя ни красок, ни холстов особо не было. И вот этот Диффинэ шёл по какому-то переулку в Самарканде, и ему очень понравился один мотив, а холста под рукой не было, и он написал блестящий этюд на калитке какого-то дома. Ректором института тогда был И.Э.Грабарь, ему сообщили об этом, он немедленно приехал на это место, посмотрел и сказал: «Снять калитку, отправить в фонд, а хозяину поставить новую калитку». Вот такой живописец был. Сергей Герасимов в своё время говорил, что такие живописцы рождаются раз в сто лет. Я видел его работы в фонде Суриковского института — это фантастика. Ещё одну историю о нем рассказывал мой педагог Цыплаков. Как он накануне просмотра не мог найти свою работу, а потом нашел её в одной из аудиторий по подрамнику. Перевернул — да, это его работа, —разъярился и хотел уже восстанавливать правду кулаками, но на обороте увидел прекрасный этюд, написанный Диффинэ, и… залюбовался.

Закончилось всё трагически. В том же Самарканде он заболел брюшным тифом, и ему нельзя было есть соленья, кажется, а он попросил жену тайком от врачей принести ему солёный огурец — съел и вскоре умер.

Уже под занавес моего обучения в Суриковском, когда я был на пятом курсе, мне удалось поработать в изостудии при оргкомитете VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который, как известно, проходил в Москве в 1957 году. В эту студию приходили позировать участники фестиваля разных национальностей, а мы их рисовали, и у меня даже сохранились многие из тех рисунков — зарисовки негров, портрет мексиканской девушки... Поскольку они приходили только на один сеанс, работать красками не было времени, и мы в основном рисовали.

С этой работой связан один интересный эпизод. В студии я держал свой рабочий халат и вот однажды пришел и никак не мог его найти. Искал-искал, а потом мне сказали: «Да твой халат надел художник из

Америки Джексон Поллок». Тот самый. Разложил огромный холст на полу, взял огромные банки красок, надел мой халат и стал поливать этот холст в своей обычной манере, пока не сделал очередную абстрактную картину. До сих пор у меня этот халат где-то валяется» [1].

Стаж Мая Данцига как педагога огромен: полувековой юбилей преподавательской деятельности в минской Академии искусств он отпраздновал ещё в 2008 г. За эти годы выпестовал больше сотни учеников. Произведения художника выставлялись в Германии, Великобритании, Венгрии, Италии, Канаде, Индии и других странах. Они хранятся в собрании Третьяковской галереи, национальных музеях России, Беларуси, Украины, Азербайджана, в частных коллекциях в Европе, Америке, Израиле. В октябре 2015 г. в Национальном художественном музее в Минске прошла его очередная персональная выставка, с соответствующей такому событию «премьерой» — картиной фирменного — данциговского — размера. Творческая биография художника соединяет нитью любви и преданности искусству поколения его учителей и учеников.

Библиография:

1. Май Данциг. К 70-летию Великой Победы. — М.: Art Russe, 2015 (автор проекта: Козорезенко П.П. мл., консультант: Козорезенко П.П. ст.).

2. *Сурский О.А.* Май Данциг. Живопись. — М., 1988.

3. История русского и советского искусства: учебное пособие для студентов вузов. М.М.Алленов [и др.]; изд 2-е, перераб. и доп. — М., 1989.

4. *Селицкая Н.Л.* Май Данциг. Мой город древний, молодой // Мастацкая адукация і культура: штоквартальны навукова-метадычны часопіс. — 2011. — № 3

5. *Козорезенко П.П.* (старший), *Козорезенко П.П.* (младший). Май Данциг: военный цикл // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА/ Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г.Строганова. — М.: МГХПА, 2015. — №4. С.310-315